

Место предела в постнеклассических системах

А.В. Агапитова

Уральский федеральный университет имени первого Президента России
Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

Поступила в редакцию: 15.09.23

В окончательном варианте: 26.10.23

■ Для цитирования: Агапитова А.В. Место предела в постнеклассических системах // Вестник Самарского Государственного Технического Университета. Серия «Философия». 2024. Т. 6. № 1. С. 71–75. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2024.1.10>

Аннотация. В статье комментируется теория постнеклассических систем с позиции гетерологии в вопросе о религиозном поиске и нахождении бога, абсолюта в условиях постнеклассической картины социального мира. В заключении делается вывод о способе ответа на вопрос через волевую коллективную остановку динамики социальных взаимодействий.

Ключевые слова: постнеклассические системы; гетерология; бог; предел; виртуальное; актуальное; социальное.

Limit location in post-classical systems

A.V. Agapitova

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

Original article submitted: 15.09.23

Revision submitted: 26.10.23

■ For citation: Agapitova A.V. Limit location in post-classical systems. *Vestnik of Samara State Technical University. Series Philosophy*, 2024;6(1):71–75. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2024.1.10>

Abstract. The paper comments on the theory of post-non-classical systems from the position of heterology about religious search and finding God or absolute in conditions of post-non-classical view on a social world. At the end of an article is presenting a conclusion about the way of answer on the question by the volitional collective stop of the dynamics of social interactions.

Keywords: post-non-classical systems; heterology; god; limit; virtual; actual; social.

Религиозная составляющая в постнеклассике — это вопрос о месте абсолюта, божественного в современной социальной философии постнеклассических систем.

Теория постнеклассических систем описывает свой объект как «живые системы» [1], «постнеклассические системы характеризуются сложностью, неравновесностью и являются историческими структурами, хранящими в себе предшествующую эволюцию системы» [1], — пишет Н.В. Бряник (курсив автора). Изменение происходит через разрушение упорядоченностей системы посредством внесения изменений к хаосу, который затем мгновенно упорядочивается. Принцип функционирования элементов системы и сами элементы являются двумя составляющими теории.

В рассматриваемых концепциях всевозможные варианты изменения системы даны заранее, они заключены в пространстве некоего виртуального: «виртуальное полостью определено и обозначает генетические дифференциальные элементы» [2, с. 149]. Это пространство виртуального не является в общем смысле статичным. Оно представляет собой принципы функционирования, характерные для конкретной системы, но в своей характерности эти принципы фиксированы, предданы, определены. Динамика обращения элементов системы имеет свойственные уникальной системе черты, которые и фиксируют ее как пространство вариантов, как площадь всех возможных сингулярных точек, которые могут актуализироваться или нет. Эта множественность представляет собой фиксированную в своей характерности динамику виртуальностей. Виртуальные выборы образуют пару с их актуальными проявлениями, актуальное — сами элементы, существование этих элементов. У Дж. Агамбена актуальность актуальна, поскольку может не быть актуальной, то есть остаться только в виртуальном пространстве: «если каждая возможность заключает в себе возможность как бытия, так и небытия, то переход к действительности может произойти лишь благодаря привнесению (Аристотель называет это «спасением») в актуальное бытие присущей ему возможности небытия» [3, с. 38].

Через пару понятий актуальное-виртуальное постнеклассическая картина мира определяется как различающаяся, дифференциальная, как тождество различия: «виртуальное... конституируется различием и дифференциальными отношениями, и когда оно актуализируется, оно саморазличается, так что всякий процесс актуализации есть производство нового различия» [2, с. 149]. Различие разрушает метафизику и диалектику, тем не менее поиск предела имеет место. Предельность, абсолют в предлагаемой гипотезе обнаруживаются через понятия виртуальное-актуальное в альтернативу понятиям возможное-действительное. Вторая пара понятий определяет происхождение сущего как подобия, как прямое воплощение возможного в действительном, тогда как виртуальное-актуальное опосредуют происхождение сущего через различие, инаковость, дифференцию: «отрицание и противоречие принадлежат к сфере рефлексии, познания, тогда как гетеротетический принцип инаковости суть функция чистого полагания» [4, с. 198]. Это чистое полагание является допущением и признанием предельного, абсолютного, делает возможным его поиск без попытки описать его и охватить целиком, что противоречило бы тогда как его собственному статусу предела, так и предполагаемой

невозможности перейти этот предел. Тем не менее попытки предпринимаются: «эта трансцендентность обитает в каждом языке и основывает его, а вместе с ним и возможность бытия-вместе» [5, с. 220]. Положенность к пределу, присутствие запредельного объединяет находящихся по эту сторону от него.

Если элементы социальной системы актуальны, то они обладают действующей волей, посредством которой акторы участвуют в динамике, в «жизни» живой системы. Егоров, анализируя Ницше, комментирует его идею о «воле к власти» как «основной и единственный принцип всего совершающего, который лежит в основе всего многообразного мира» по Ницше [6, с. 194]. Власть в постнеклассических системах осуществляется через борьбу интерпретаций, предлагаемых акторами друг другу. Совершающие систему элементы наделены волей, они актуализируются как воля, взаимовлияние элементов системы — сообщение своей воли другому. Некоторые сообщения воли, которые препятствуют саморазрушению системы в попытке упорядочить ее, проявляются как насилие (насаждение интерпретаций) или как творчество (открытие новых, уникальных интерпретаций). Каждая из волевых актуализаций социальных систем увлекает за собой другие актуализации, «заражает» их собственными интерпретациями. Таким образом изначальная упорядоченность системы, единая преданность интерпретаций, конвенциональное соответствие слова и явления уничтожается. Предполагаемо существующий сверхчеловек Ницше, например, — это одна из таких волевых точек. По Ницше теория постнеклассических систем допускает так или иначе актуальности, которые собственной волевой инициативой стремятся кардинально изменить все другие актуальности, чтобы создать новое общество и новую мораль (предварительно разрушив старую): «мировая сила, существенная и фундаментальная основа устройства и состояния мира» [6, с. 194]. Сверхчеловеческое стремление к совершенству окончательно разрушает возможный потенциал к совершенству (потенциал к фиксации состояния системы после бифуркации, слома), этот неизбежный финал обусловлен бифуркацией, изменением критериев совершенства и отклонений от него, в том числе потерей сверхчеловеком собственного статуса. Однако воля как таковая и ее способность влиять на волю другого посредством насилия (посредством ограничения воли) или творчества (создание уникального) является пределом для актора. Воля и интерпретация воли других — единственная возможность участия в процессах системы. След, оставляемый волей в социальных системах в теории постнеклассики, нестираем, поскольку система необратима: «я (прощенный преступник) никогда не смогу отрешиться от совершенного мной преступления — ведь оно не “обращено вспять”, не отменено задним числом, не стерто» [7, с. 147]. Волевой выбор невозможно изменить, динамичность системы предполагает необратимость ее изменений. Финал изменений, бифуркация — момент абсолютного хаоса, обращающегося в абсолютный порядок, является моментом качественного слома системы посредством насилия или творчества. Волевой выбор детерминирован через различие динамическим виртуальным разнообразием, виртуальными принципами, эта детерминированность — предел для актора, место его прикосновения к пределу. Собственная воля для актора — абсолют.

Дж. Агамбен в «Грядущем сообществе» предлагает трактовку «Страшного суда» и негативную теологию как способ остановки движения системы, обусловленную также остановкой использования языка как опосредующего между акторами инструмента. Дж. Агамбен описывает «способ интерпретации негативной теологии: ни это и ни то, ни такое и ни иное, но существующее так как оно есть: со всеми его предикатами (ибо все предикаты не суть какой-то один предикат). Не иначе — делает невозможным, отрицает каждый предикат как присущее свойство (характеризующее сущность), но содержит их все в качестве не-свойств (в плане существования)» [3, с. 85]. Поскольку изменяющаяся система эволюционирует бесконечно (но циклично), то предел, конец, завершение — это остановка. Предельность остановки, определенность воли — третье насилие, если система изменяется посредством насилия, то есть от взаимодействия воли через слом системы (это второе насилие Р. Жирар назвал «катастрофической инверсией жертвоприношения» [8, с. 57]) к остановке (первое, второе и третье насилие). Остановка осуществляется через отказ от целеполагания, от проявления воли, подчиняющей или подчиняющейся: «таким образом, самое большое наказание — лишение возможности лицезреть Бога — оборачивается самой подлинной радостью: безвозвратно погибшие, они пребывают без печалей в забвении Бога» [3, с. 13]. Отказ элементов системы от действия по принципам этой системы, их незаинтересованность в обмене интерпретациями означает отмену самой системы. Отсутствие необходимости в интерпретации предела, в выражении воли посредством творчества или насилия является также и отказом от предела, от своего касания с ним. Отказ от попыток его интерпретаций приводит к беспредельности, отсутствию абсолютного. В этот момент абсолютное, свободное от трактовок и движения, через собственное отсутствие актуализируется в каждом акторе. Отсутствие воли означает окончание не только неактуализированного различием виртуального, но и всего виртуального вообще, которое также является пределом для актора в своей непознаваемости. Одновременно это означает актуализацию всего виртуального, поскольку неактуализированная через различие часть виртуального стерта, невозможна. Это означает остановку времени. Самозамкнутость в различии актуальных в момент «Страшного суда» отмененных воли, их отказ от интерпретаций собственной актуальности и всеобщей виртуальности единит их. Это может означать отмену постнеклассических механизмов, поскольку разворачивает элементы посредством единой воли от автономного разрушения к коллективному созиданию (то есть к созиданию всеми, любыми акторами абсолютной воли). У Агамбена этот намек на коллективность обоснован через радикализацию суждения о другом, радикализацию различия до степени отказа от использования языка. Язык больше не является подходящим инструментом для интерпретации другого, элементы системы теперь безоружны в своих волевых проявлениях и остаются самими собой, замыкаются на себе: «идея не имеет собственного названия или имени собственного, но выражается лишь анафорой *auto*: идея вещи есть сама вещь. Эта анонимия (безымянность) омонимов и есть идея» [3, с. 69]. Самозамкнутость элементов — время «Судного дня», поскольку отсутствие языка отменяет способность интерпретации для всех элементов

системы. Эта способность оставлена элементам вне системы, предельному. Для остановленных элементов это означает раскрытие содержания их пустой самости, своего второго, неволевого содержания, самозамкнутости, это означает приобщение к абсолюту: «ousia — единичный, невыразимый индивидуум, но в то же время — предпосланная субстанция, скрытая за предикатами» [3, с. 87].

Список литературы

1. Бряник Н.В. Философский смысл картины мира постнеклассической науки // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. 2014. № 14. С. 5–21. EDN: TRNPBT
2. Керимов Т.Х. Бытие и различие: генеалогия и гетерология. Москва: Академический проект; Фонд Мир, 2011. 256 с.
3. Агамбен Дж. Грядущее сообщество / пер. с ит. Дм. Новикова. Москва: Три квадрата, 2008. 144 с.
4. Современный философский словарь / под общ. ред. В.Е. Кемерова, Т.Х. Керимова. 4-е изд., испр. и доп. Москва: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2015. 823 с.
5. Деррида Ж. Письмо и различие / пер. с франц. В. Лапицкого. Москва: Академический Проект, 2000. 495 с.
6. Егоров А.В. Фридрих Ницше о воле к жизни как воле к власти // *Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык*. 2020. № 2. С. 190–200. EDN: YESIPM
7. Жижек С. О насилии. Москва: Европа, 2010. 184 с.
8. Жирар Р. Насилие и священное. Москва: Новое литературное обозрение, 2010. 448 с.

References

1. Bryanik NV. Philosophical meaning of the picture of the world of post-classical science. *Scientific yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*. 2014;(14):5–21. EDN: TRNPBT (In Russ.)
2. Kerimov TH. *Genesis and distinction: genealogy and heterology*. Moscow: Akademicheskii proekt; Fond Mir; 2011. 256 p. (In Russ.)
3. Agamben J. *Coming Community*. Transl. from Ital. Dm. Novikov. Moscow: Tri kvadrata; 2008. 144 p. (In Russ.)
4. Modern Philosophical Dictionary. Ed. by V.E. Kemerov, T.H. Kerimov. 4th ed. Moscow: Academic project; Yekaterinburg: Business Book; 2015. 823 p. (In Russ.)
5. Derrida J. *Writing and Distinction*. Transl. from French. V. Lapitsky. Moscow: Akademicheskii proekt; 2000. 495 p. (In Russ.)
6. Egorov AV. Friedrich Nietzsche about the will to life as the will to power. *Crede Experto: transport, society, education, language*. 2020;(2):190–200. EDN: YESIPM
7. Zizek S. *On violence*. Moscow: Evropa; 2010. 184 p. (In Russ.)
8. Girard R. *Violence and the Sacred*. Moscow: New Literary Observer; 2010. 448 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Анастасия Вадимовна АГАПИТОВА — магистрант философского факультета Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия.
E-mail: simka457@gmail.com

Information about the author

Anastasia V. AGAPITOVA — master's student of the Faculty of Philosophy, Ural Federal University.
E-mail: simka457@gmail.com